

Стабильна ли нынешняя Россия?

Пришла ли Россия к стабильной системе общественного развития? На этот вопрос, оказавшийся в центре дискуссии на нынешнем симпозиуме, было дано два

основных ответа. Первый Д.Фурмана, состоит в том, что современная Россия — это состоявшееся общество с собственной логикой развития и обладающее политической системой, которая уже обрела черты стабильности и законченности на ближайшие 20-30 лет. Напротив, по мнению Ю.Левады, речь идет скорее об имитации устойчивости во всех сферах (экономики, политики и общества) и на всех уровнях — от массового человека до правящих структур. С моей точки зрения, тому или иному ответу на поставленный вопрос должно предшествовать рассуждение о том, что понимается под стабильностью в данном контексте. Означает ли стабильность отсутствие реальной альтернативы сложившемуся типу власти и характеру общественной интеграции и связанной с этим безальтернативностью экономического развития?¹ Или же речь идет об отлаженном механизме воспроизводства и постоянной подстройке общественных отношений и связей, о сложившемся балансе интересов в обществе, отражением которого является устойчивая политическая система? На мой взгляд, о действительной стабильности общественного развития можно говорить лишь во втором случае, который не только не исключает наличия альтернатив, но и подразумевает их, поскольку лишь выбор одного из нескольких возможных вариантов в конечном счете обеспечивает развитию устойчивый характер. Иначе говоря, стабильность не может быть основана на навязанном обществу сверху отсутствии иных возможностей. Такая стабильность сродни "стабильности" застойного, брежневского, периода, о которой говорил на симпозиуме Ю.Левада. Она, как показала недавняя советская история, оборачивается распадом механизма общественного воспроизводства и крахом политической системы.

Каков под этим углом зрения вектор изменений, осуществленных в 1999-2003 гг. в политической системе и во взаимоотношениях власти и общества?

¹ Очевидно, что экономическая модель, единственным источником динамики которой являются добыча и экспорт сырья и крайне концентрированное и неравномерное распределение доходов, сама по себе не безальтернативна. Эта модель производна от типа общественной интеграции, центральный элемент которой — господство нерасчлененных властно-собственнических элит.

Создан механизм передачи верховной власти — назначение действующим президентом преемника с последующей легитимацией его на выборах, имеющих, по сути дела, безальтернативный, плебисцитарный характер. Легитимность этого механизма не оспаривается ни одной из действующих политических сил или элитных группировок. Если в ближайшее четырехлетие не будут внесены изменения в Конституцию РФ, позволяющие переизбрание действующего президента на третий и более сроки, это будет означать, что правящим и господствующим группам в России удалось, наконец, уйти от персонификации высшей власти и найти надежный способ обеспечения ее преемственности. Тем самым преодолевается важнейший изъян советской политической системы, в которой смена высшего начальствующего лица происходила или в силу естественных причин, или путем насильственного отстранения от власти, как в случае Н.Хрущева и М.Горбачева. Не было, соответственно, и механизма обновления номенклатурных поколений у власти — это обновление либо осуществлялось путем физического уничтожения, как при И.Сталине, либо не осуществлялось вообще, как при Л.Брежневле. Если механизм преемственности власти действительно найден, то через каждые восемь лет вместе со сменой президента должна происходить и ротация в правящем слое, обеспечивающая вертикальную мобильность его членов и групп.

Будучи формально легитимированной через избирательную процедуру смена власти, вместе с тем, полностью выведена из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. Реальная безальтернативность выборов на важнейший политический пост обеспечивается как манипуляцией общественным мнением через подконтрольные средства массовой информации и использованием властных преимуществ инкумбентами ("административный ресурс"), так и господствующими моделями поведения и менталитета населения, готового поддерживать действующую власть из страха перед худшим или пассивной надежды на лучшее.

Восстановлен (или существенно усилен) нарушенный при Б.Ельцине монопольный контроль центра в отношении автономных источников экономической ("олигархи") и политической (региональные "бароны") власти. Путем реинтеграции системы власти по горизонтали и по вертикали сформирована моноцентричная политическая система, в которой восстановлены субординация элит и положение Кремля как реального центра власти¹.

Самостоятельная роль средств массовой информации или ликвидирована, как в случае электронных, или существенно снижена, как в случае печатных. СМИ по большей части перестали быть средством выражения интересов и каналами влияния различных

¹ Зудин А.Ю. Режим В.Путина: Контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 70-73.

политических групп и олигархических кланов, как это было при Б.Ельцине. Серия "споров хозяйствующих субъектов", цензура в государственных СМИ и самоцензура в частных за три года свели практически на нет и без того ограниченные возможности воздействия общества на власть, особенно по ключевым и наиболее болезненным для власти вопросам, таким, как свобода слова и война в Чечне. Одновременно и власть лишилась сколько-нибудь адекватных каналов обратной связи с обществом, каковыми в эпоху Б.Ельцина худо-бедно являлись СМИ в их совокупности.

В результате этих и других изменений российское политическое сообщество за три года четко усвоило правила игры в новой политической системе. Безальтернативность власти воспринимается политиками, журналистами, экспертами как данность, не подлежащая обсуждению. Осмысление и оценка ситуации в стране происходит в рамках заданной действующей властью системы координат. Дискуссии вокруг тех или иных изменений политики (про-американский или проевропейский внешнеполитический курс, сохранение сырьевой ориентации экономики или активная промышленная политика, более или менее радикальные варианты социальных реформ — ЖКХ и социального обеспечения) не затрагивают сложившуюся систему властных отношений. Критика режима допускается, но исключительно как критика правительства. Те, кто на следующих выборах рассчитывает на сохранение своей политической ниши как слева (КПРФ), так и справа ("Яблоко" и СПС) дружно избегают критиковать лично президента, принимая тем самым предложенные сверху правила игры: президент в президентской системе парадоксальным образом освобождается от ответственности за действия подчиненного ему правительства¹. Поэтому в нынешней российской политической системе нет оппозиции — как системной, выступающей за смену политических сил, стоящих у власти, так и несистемной, отвергающей сложившиеся правила политической игры. Таким образом, безальтернативность, заложенная в механизме воспроизводства исполнительной власти, транслируется на уровень политических партий и всего политического сообщества в целом, и активно осваивается, "интериоризируется" этим сообществом как единственно возможная модель поведения. Представляется, что такой же смысл имеет и развернувшаяся в последнее время дискуссия о переходе к правительству дум-

¹ Даже очень жесткая критика сложившейся системы властных отношений в статье лидера "Яблока" Г.Явлинского сопровождается выводом о том, что единственная надежда на изменения (возвращение свободы слова, обеспечение независимости суда, формирование правительства, не связанного с корпоративными кланами, и тп.) связана с действующим президентом, который "неизбежно начинает, во-первых, понимать, что у нас в стране происходит, а во-вторых, ощущать себя государственным деятелем... В результате появляется носитель общегосударственных интересов и ценностей, может быть, единственный во всей властвующей элите" (Новая газета. 2002. № 83. 11 нояб.)

ского большинства: в ситуации, когда партия(и) этого большинства формируется исполнительной властью и полностью ей подконтрольна, это может быть лишь еще одним способом легитимации несменяемой власти.

Такая политическая система может существовать либо при условии согласия общества (поскольку важнейшим способом ее легитимации являются выборы), либо при полной неэффективности институциональных и иных каналов воздействия населения на власть. В российском случае работают оба этих фактора. По данным ВЦИОМ, две трети российского населения неизменно одобряют деятельность В.Путина на посту президента России и около половины доверяют ему, хотя по отношению к достижениям в конкретных областях деятельности (социально-экономическое положение, безопасность населения, война в Чечне, проблемы защиты демократии и политических свобод граждан) преобладают отрицательные оценки¹. Одновременно 75% респондентов считают, что от них мало что зависит и что никакого влияния на власть они оказывать не способны². В научной литературе существует несколько вариантов объяснений практически безусловной поддержки власти населением:

— негласный "социальный контракт" Кремля с обществом, сложившийся в обход элит и в результате глубоких социальных сдвигов (А.Зудин)³;

— страх, заставляющий население в любом случае голосовать за власть, чтобы избежать ее смены, всегда чреватой в России гражданской войной (Д.Фурман)⁴;

— "изоморфизм" власти и общества в России, в основе которого постоянное воспроизведение от микро- до макроуровня упрощенной, грубой модели господства—подчинения (Л.Гудков, Б.Дубин)⁵.

Общим местом стала констатация того, что в обществе отсутствуют сколько-нибудь заметные силы и социальные слои, готовые поддержать иной тип взаимоотношений с властью и предложить альтернативу как сложившейся политической системе, так и господствующим в ней политическим силам. На фоне постоянных кон-

¹ Данные ежемесячных публикаций Л. А.Седова на сайте <www.wciom.ru>.

² Гудков Л., Дубин Б. "Нужные знакомства": Особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 36.

³ Зудин А.Ю. Указ. соч. С. 70.

⁴ Фурман Д. Политическая система современной России (в настоящем сборнике).

⁵ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. Л.Гудков и Б.Дубин отмечают, что "столкновение разнонаправленных оценок власти при ожидании решения опять-таки от нее, — это, как ни парадоксально, одно из выражений массовой поддержки прежнему способу организации постсоветского общества, отказ населения от самоорганизации, многосторонней и глубокой дифференциации общества собственными силами, от прогрессирующего развития его институциональной структуры". (Там же. С. 38).

фликтов и пертурбаций ельцинского периода такая ситуация действительно выглядит как завершение эпохи революций и обретение системой устойчивого положения. Представляется, однако, что все перечисленные выше свидетельства "новой стабильности" содержат в себе зерна последующей неизбежной дестабилизации.

Так, нахождение механизма *преемственности* власти не сопровождалось созданием механизма *смены* власти, мирного, некатастрофического ее перехода от одной политической силы к другой. Такой смены власти, как отмечает Д.Фурман, в России не происходило ни разу за ее более чем тысячелетнюю историю. Назначение преемника действующим президентом, исключая какую-либо альтернативу, означает, что российская власть не в состоянии использовать выборы в качестве механизма обезличенного, публичного согласования интересов внутри правящих и господствующих групп и способна строить эффективные отношения между ними только как отношения вертикального соподчинения и "выстраивания" элит. Такие отношения в условиях рыночной, открытой во вне экономики не могут обеспечить долгосрочную стабильность. Кроме того, и в краткосрочной перспективе, уже в следующем избирательном цикле 2008 г., могут возникнуть проблемы, связанные с взаимоотношениями между различными группами элит, и особенно с наполнением в последние три года "всех ветвей и этажей власти военными, которые составляют в разных элитных группах от 15 до 70%"¹. От того, согласятся ли "потесниться" укоренившиеся в путинское восьмилетие выходцы из спецслужб и военных, и от того, какова будет ведомственная принадлежность назначенного нынешним президентом преемника, в значительной мере зависит, насколько эффективным будет механизм обновления правящих групп в России.

Выстраивание политической системы с единым доминирующим центром как в *политическом* отношении ("доминантная партия"), так и в *административно-управленческом* ("вертикаль власти" вместо вертикального и горизонтального разделения властей) неизбежно приводит к тому, что противоречия, объективно существующие в обществе, переживающем столь серьезные социально-экономические сдвиги, концентрируются там, где принимаются реальные решения, — в центре, в исполнительной власти. Можно сколько угодно говорить о "техническом" характере правительства, но в нем неизбежно будут возникать противоречия политического и стратегического характера, снижающие его эффективность как управленческой структуры. Этому в решающей мере способствуют превращение Государственной Думы в орган, штампуемый решения исполнительной власти и стремительно утрачивающий представительный характер, с одной стороны, и фактическая ликвида-

¹ Крыштановская О. Элита в погонах // Время МН. 2002. 18 сент.

ция Совета Федерации как органа, представляющего интересы регионов, — с другой. Легкость при проведении решений президентской администрации и правительства через подконтрольную Думу делает ее не местом столкновения и согласования различных интересов, а совершенно безответственным органом, в котором бесполезно и иррационально затрачивать серьезные усилия. Все это превращает в пустую суету бурное партстроительство и попытки сделать сколько-нибудь отличающимися друг от друга бесконечно клонируемые партии "любви и поддержки" президенту, поскольку реальные "партии", представляющие реальные интересы, действуют там, где это действительно имеет смысл, — в бесконечно размножающихся структурах исполнительной власти.

Противоречия между групповыми и клановыми интересами, раздиравшими в свое время ельцинскую систему, никуда не исчезли. Они лишь временно "притоплены" и будут накапливаться внутри исполнительной власти, поскольку это реальные противоречия общественного развития. Они неизбежно принимают форму столкновений между кликами и кланами в условиях отсутствия институтов, в рамках которых эти противоречия могли бы уравниваться и разрешаться. Все то, что обычно рассматривается как свидетельство начатого путинским режимом процесса институционализации — восстановление "вертикали власти", равноудаленность в отношениях с "олигархами", попытки создать партию власти и урезать автономию административных элит — не свидетельствует, на мой взгляд, о возникновении устойчивой институциональной среды. Скорее можно говорить о прямо противоположном процессе деинституционализации. Ликвидация независимых органов представительной власти, деавтономизация политических институтов и СМИ, лишение их самостоятельных функций ведет к тому, что между властью и обществом образуется зазор, институциональная пустота. Эта пустота ничем, кроме рейтинга В.Путина, не заполнена. Между тем, как показывают исследования ВЦИОМ, устойчиво высокий рейтинг В.Путина — это скорее воплощение общественных комплексов и ностальгии по "хорошему", чем отражение реального доверия общества к власти¹. Выхолащивание формальных институтов, "прямая связь" (минуя институциональных посредников) лидера и масс ведет к закреплению ситуации, в которой общество не имеет стимулов для того, чтобы структурироваться социально и политически, и, соответственно, к ослаблению власти. В этой ситуации высокий рейтинг президента, особенно его отрыв от показателей доверия ко всем политическим и административно-управленческим институтам, представляет собой не силу, а слабость режима. Неспособность к внутреннему обновлению, связанная с отсутствием или подавлением реальной альтернативы системе моно-

¹ Ю.Левада, выступление на симпозиуме.

польной власти, дважды в течение XX в. приводила российскую политическую систему к краху. И оба раза это крушение оказывалось контрпродуктивным для становления устойчивой, саморегулирующейся, демократической системы социально-политического развития. Трансформация "старого режима" в России до сих пор происходила только путем его радикальной ломки, обстоятельства которой приводили к столь глубокому общественному кризису, что каждый раз единственной альтернативой распаду и хаосу представлялось восстановление опять-таки монопольной власти.

Важнейшая причина постоянного воспроизведения на протяжении российской истории одного и того же типа власти — ее отношения с обществом. Государство, власть, политический режим традиционно выступали в России фактором, препятствовавшим и подавлявшим самостоятельное структурирование и самоорганизацию общества. Чем более аморфным и несамостоятельным было общество, тем большее число организационных и трансформационных задач ложилось на государство. Складывался порочный круг: чем более всеобъемлющим и проникающим становилось государство, тем более рахитичным и неструктурированным оставалось общество. Такое общество не только не в состоянии было осуществлять контроль за государством, но и не могло обеспечивать ему сколько-нибудь эффективную обратную связь. Между государством и обществом не возникало динамического равновесия и эффективных институциональных каналов взаимодействия, которые позволяли бы своевременно решать возникающие противоречия как внутри государства и общества, так и между ними. В итоге российское государство обладало очень слабой внутренней трансформационной способностью (или не обладало ею вообще) и периодически разрушалось под гнетом собственного всемогущества и одновременно бессилия, как это было в начале и конце XX в. "Реформы" путинского трехлетия воспроизводят традиционный для России тип взаимоотношений власти и общества и, соответственно, имманентную ему нестабильность всего механизма общественного воспроизводства.

С этой точки зрения, Россия пришла к тому же, от чего пыталась уйти в конце 1980-х — начале 1990-х годов та ее часть, которая выступала за демократический проект трансформации общества. Этот проект провалился, и попытки рассматривать режим В.Путина как более подходящую для российских условий, более упорядоченную по сравнению с предшествующей стадией форму демократической трансформации страны, по-моему, совершенно несостоятельны. Речь идет о реставрации, хотя следует согласиться с Ю.Левадой в том, что возможности ее ограничены.

В чем причины провала демократического проекта? В том, что он не соответствовал настроениям, мироощущению огромного большинства населения, не желавшего что-либо радикально менять, согласного на сохранение своего зависимого и безответственного

положения и всегда готового поддержать действующую власть из страха перед худшим? Или же в том, что "демократическая" власть начала 1990-х годов видела свою задачу в скорейшем осуществлении рыночной трансформации экономики любыми, в том числе наиболее авторитарными методами, а не в последовательной демократизации власти и общества, поиске компромисса и создании структур гражданского общества? Общественная дискуссия на эту тему получилась крайне неплодотворной. "Обвинения" в адрес общества ведут, как правило, к оправданию существующей власти ("Никакой другой она и не может быть в такой стране") и к соблазну просвещенного авторитаризма (правительство в России во все времена — "единственный европеец"). Обвинения же в адрес власти исходят из презумпции пассивного общества-объекта, "народа, который нужно лишь просветить и направить на истинный путь", порождая тот же соблазн¹. Где выход из этого порочного круга? Как избежать парализующих волю оценок российской действительности, сохраняя при этом научную трезвость и объективность? Как вместе с тем не впасть в успокаивающее оправдание сущего, которое в России всегда связано с государственным чиновничеством и упованием на власть? Именно это последнее полностью соответствует тем флюидам, которые исходят от власти в последние три года. Под их влиянием сформировано политическое пространство и пространство политической дискуссии, ограниченное исключительно действиями самой власти и происходящими внутри нее подвижками, иной политики в России нет². Я думаю, что выход из этой ситуации, по крайней мере в том, что касается научного сообщества, заключается в смене тематики и фокуса исследования. Необходимы новые направления анализа, которые позволили бы вывести дискуссии из того поля, которое строится вокруг власти как единственной точки отсчета и единственного организующего центра. Исследования общества, особенно миноритарных групп, отношений и процессов, которые не вписываются в доминирующий тип господства—подчинения, могут и должны привести не только к поиску реальных альтернатив развития, которые сейчас остаются вне поля зрения исследователя, но и к формированию этих альтернатив. Иное развитие невозможно без субъектного действия, которое, в свою очередь, не может основываться на представлении о сущем как о единственно возможном. Как говорил А.Левинсон на завершающем данный симпозиум "круглом столе", признать нынешнее состояние стабильным означает расписаться в сервильности. Не будучи признанным стабильным, это состояние теряет статус факта в глазах исследователя, приобретая статус объекта изучения.

¹ Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 37.

² Нет и иной политической науки.